

– Дорогая Сэда Константиновна! Сначала несколько вопросов о поэзии. Вы помните, как впервые соприкоснулись с ней? Что было первым толчком к тому, чтобы поэтической строкой сказать Своё?

– Мне кажется, что поэзию я любила всегда. Но поэзия не была в нашем доме частью жизни. Помню себя с 4-х летнего возраста. Мы жили в Москве. Мама работала в «Детгизе» (Детское государственное издательство). Она приносила мне стихи в виде книжек-малышек, – так назывались книжки крохотного формата этого издательства. Это были стихи по форме – чёткий ритм, рифма. Содержание – воспитательное, ставящее целью показать ребенку, « что такое хорошо и что такое плохо». Но, объективно, поэзией назвать эти тексты нельзя. Ведь не всё, что является

стихами – поэзия. Но я очень любила эти книжки и с нетерпением ждала их.

Впервые я прочла запечатлевшийся во мне поэтический текст в Тбилиси, куда мы (я, мама и мой младший брат) были эвакуированы после начала Великой Отечественной войны. В Тбилиси жила моя бабушки. Мне было около 9 лет. Детской, и вообще, какой-либо художественной литературы, как ни странно, в доме бабушки не было. Хотя была огромная библиотека из книг на немецком языке, которых я, конечно, не читала, но могу предположить, что это были книги философского содержания, так как мой дед получил образование в Германии, закончив там философский факультет Берлинского университета. Среди многочисленных томов этой готики, я заприметила книгу другого формата. Она оказалась антологией русской поэзии, которой была награждена бабушка по окончании гимназии. И я стала читать эту книгу. Читала внимательно, заинтересованно. Многого не понимала. Но пыталась понять, по много раз повторяла озадачившие меня своей таинственностью слова:

«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

Я пыталась проникнуть в смысл этих слов. Но понимания не приходило. А мне и теперь нередко вспоминаются те слова с неразгаданным смыслом. На стихотворении А.П. Сумарокова «На суету человека» я не остановилась. «На берегу пустынных волн стоял он, дум высоких полн», – читала я. И эти строки меня заморозили, я даже вышла на середину комнаты и стала торжественно их произносить. Потом любовно переписала их в свою школьную тетрадку. Как сегодня, помню эту в две косые линии тетрадь. Я училась во втором классе. Тетради были уже в две линейки, а в первом – в три. Я записала в свою двухлинейную тетрадь эти пушкинские строки без указания авторства, и с выражением, вслух перечитывала и перечитывала их много раз... Запомнила наизусть. И как-то, когда у нас были гости, меня попросили что-нибудь прочесть. И я стала читать: «На берегу...» Взрослые меня похвалили за декламацию и выбор Пушкина. Но я запротестовала и стала их уверять, что это я написала, и когда стало ясно, что они мне не верят, в доказательство принесла свою тетрадь в две линейки, где фиолетовыми чернилами крупно, по-детски коряво было выведено про берег и пустынные волны. Фамилии Пушкина там не было. Моей – тоже. Но, по-видимому, моё авторство должно было само собой подразумеваться, раз тетрадь – моя, и почерк – мой. Взрослые же снисходительно улыбались. С тетрадкой под мышкой я медленно и обиженно покинула комнату, где сидели гости, усомнившиеся в моем авторстве. Обида во мне осталась на всю жизнь, и в отместку я больше никогда не читала перед гостями ни своих, ни чужих стихов. Обида была глу-

Отец – Константин Вермишев

Сэда Вермишева

*Елена Георгиевна Вермишева.
Мама Сэды*

бока... Но на этом не заканчиваются мои скудные, связанные с поэзией детские воспоминания, и я расскажу в впечатлении, которое произвело на меня стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус». Не помню, каким образом у меня оказалась небольшая книжка избранных стихотворений М. Лермонтова. После купца Калашникова меня особенно заинтересовало стихотворение про мятежный парус, который искал покоя в буре. Логически объяснить этот поиск покоя в буре я не могла. Но подсознательно чувствовала, о чём идёт речь, и виделось мне в этом поиске что-то таинственное и притягательное. Я ходила по веранде нашего большого, можно сказать, барского дома, затемнённого по законам военного времени, в поздние часы, прижав книжку, раскрытую на странице со стихотворением о парусе и его своеобразном и безуспешном поиске покоя. На этом я и закончу свои воспоминания о моём начальном, детском соприкосновении с поэзией. И это ещё очень далеко от того момента, когда поэзия другого времени и другого автора стала толчком, потребностью собственного поэтического самовыражения.

Осознанный, целеустремленный интерес к поэзии проявился у меня позже в Ереване, куда семья наша переехала теперь уже из Тбилиси, после перевода отца с Московского фронта в распоряжение Закавказского военного округа...

В Ереване я училась в лучшей городской школе имени А.С. Пушкина. Особенно она славилась преподаванием русской литературы. Я писала довольно-таки удачные пародии на учителей, на одноклассниц, когда для этого возникал подходящий повод... Но это не было, конечно, поэзией. И я это прекрасно понимала. Из поэтов же, которых мы «проходили», ближе всех мне были Есенин и Маяковский. На создание собственных стихов, кроме тех, что я упомянула, они меня не подвигли. Сейчас бы об этом сказали – другая почва. И я с этим согласна. На дворе были первые послевоенные годы разрухи и голода. Литературу же того времени отличала схематичность, отсутствие художественности, перегиб в сторону пропагандистского начала в довольно-таки грубой, прямолинейной форме. Такая литература могла только отвратить от себя. Так и произошло, у меня пропало желание поступать на филологический факультет. Хотя в классе я считалась лучшей ученицей по литературе, и все были уверены, что по окончании школы я продолжу учебу на филфаке. Но я подала документы на экономический факультет. Свой поступок я объяснила тем, что на филфаке мне придется всё время лгать. Так я и сказала отцу. И он меня понял. А то, что мой выбор пал на этот факультет, объясняется влиянием отца. Он увлеченно занимался развитием экономики Армении и приобщал меня к её проблематике.

Итак, я поступила на экономический факультет Ереванского государственного университета. Что он являл собою в тот период – разговор отдельный. Я же хоть и ходила на занятия – моё присутствие на лекциях носило чисто формальный характер. Дело в том, что ещё в школе у нас сложилась группа, увлекающаяся поэзией, и самыми мыслимыми и немыслимыми способами нам удавалось добывать поэтические тексты, передавать их из рук в руки, запоминать наизусть, восхищаться. И, учась

Георгий Мелик-Каракозов

*Бабушка и дедушка –
Мария Ивановна и Георгий Павлович
Мелик-Каракозовы в Париже*

на экономическом факультете, я целиком и полностью была поглощена поэзией. В университете на лекциях по экономике я выбирала место, наиболее отдаленное от лектора, и углублялась в чтение очередного поэтического сборника. Так я устроила себе на экономическом факультете филологический анклав. Его преимущество перед филологическим факультетом заключалось в том, что я могла читать то, что я хотела, а не то, что мне навязала бы официальная программа... И самостоятельно оценивать прочитанное. Так, практически на интуитивном уровне, мне удалось «обойти» систему, а не столкнуться с ней лоб в лоб... «Столкновение» такое в те времена было чревато крупными неприятностями, вплоть до ареста и ссылки. Во что обойдется мне этот маневр «обхода» – я тогда не представляла. Теперь же, по прошествии стольких лет, можно констатировать, что, поступив на экономический факультет, я прорыла между собой и литературой глубокий ров, но, с другой стороны, я создала для себя возможность самостоятельных и независимых от политического климата отношений с литературой, включая и свою материальную независимость.. Насколько это было сделано сознательно и насколько интуитивно – трудно ответить, как оценить проигрыш и выигрыш.

Но я до сих пор не ответила на Ваш вопрос, что было толчком к тому, чтобы поэтической строчкой сказать Своё?

Отвечу сразу – это было знакомство с поэзией Марины Цветаевой. Её стихи оказались именно тем толчком, который разбудил и обозначил во мне то, как Вы сказали «своё», что я захотела выразить и передать словом. Знакомство же это носило совершенно случайный характер. Но слово её упало на достаточно хорошо подготовленную прежними моими поэтическими увлечениями почву. Было мне тогда 33 года. Я с отличием окончила экономический факультет, имела семью, двоих детей. Работала в горно-металлургическом научно-исследовательском институте. И вот, когда я возвращалась из московской командировки в Ереван, случайно моим соседом по креслу в салоне самолета оказался артист, летевший на съёмки в Ереван. Он прочёл мне стихи Марины Цветаевой, о которой я даже не слышала. Знакомство с её стихами и стало тем толчком, о котором Вы спрашивали.

– Ваш род, Ваше княжеское происхождение повлияли на Вас, как на Поэта?

Нет, совершенно! Княжеское происхождение на протяжении всей моей жизни никогда не влияло на меня, тем более на моё поэтическое самосознание. Самосознание поэтическое, на мой взгляд, выше княжеского. Но это к слову. Узнала я о своей принадлежности к княжескому роду Аргутинских-Долгоруких, когда мне было около пяти лет. Семья наша тогда только ещё переехала из Еревана в Москву (1936), где жила мать отца, моя бабушка, Варвара Александровна Вермишева, урождённая княжна Аргутинская-Долгорукая, со своим старшим сыном Григорием. Но его арестовали, как арестовывали тогда многих без доказанной вины. Происхождения и того, что в прошлом Григорий Вермишев был офицером Генштаба Царской России, было достаточно, чтоб его арестовать. Бабушка моя, его мать, находилась в преклонном возрасте, и оставлять её одну после ареста Григория мой

*Дед — Георгий Мелик-Каракозов,
министр народного образования и искусств
в первом правительстве Республики Армения в 1918–1919 гг.*

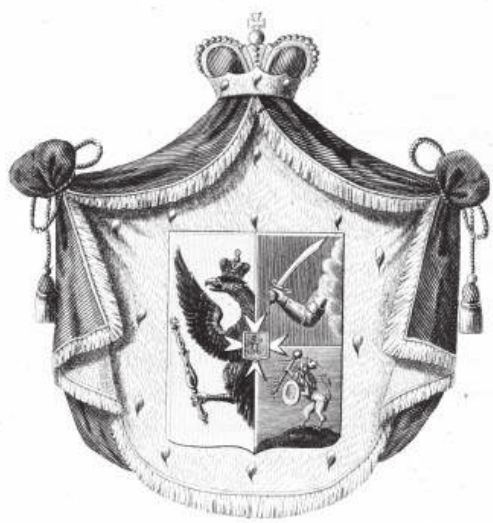

*Бабушка — Варвара Александровна
Вермишева, урожденная княжна
Аргутинская-Долгорукая*

отец, её младший сын, не мог. И вот, переехав из Еревана в Москву, я совсем малышкой столкнулась с тем, что соседские мальчики, как только я выходила в общий наш коммунальный коридор, как по команде, набрасывались на меня и начинали колотить. Мне же, девочке, по ереванским понятиям, драться с мальчишками было неприлично, даже зорно. Вот они и могли меня безнаказанно бить. И я пыталась уговорить маму побить моих обидчиков, или пожаловаться их родителям, чтоб они сами их побили или как-нибудь по-другому наказали. Но ни того, ни другого мне добиться от мамы не удавалось. Она мне предлагала, раз отношения у меня с соседскими мальчиками (а в нашей коммуналке не было ни одной девочки) не складываются, сидеть дома, тем более что игрушек и книжек у меня предостаточно. И тогда я обратила свои взоры на отца, который мне обычно во всём потакал. Но и он в ответ на мои жалобы на соседских мальчишек сначала долго молчал, а потом сказал: «Запомни: ты княжна Аргутинская! Аргутинские не плачут и не жалуются». И замолчал. Молчала и я, не зная, что мне делать с этим новым знанием о себе, почему оно меня обязывает «не плакать и не жаловаться»? А мне так хотелось и плакать, и жаловаться, И чтобы меня жалели и защищали. И не для того я обратилась к папе, чтоб он мне сказал про князей Аргутинских, а чтобы он побил соседских мальчиков, моих обидчиков. Но пока я об этом размышляла, отец мой, поднявшись со стула, сказал: «Вот что, Сэда; я подумал и решил обучить тебя боксу, чтобы ты умела сама себя защитить». И, взяв мою руку, он стал учить меня приёмам бокса.

Так я была поставлена в известность о своем княжеском происхождении, и о том, что оно несовместимо с плачем и жалобами. Происхождение, получалось, не облегчало мою жизнь, а накладывало ещё и некие дополнительные обязательства, можно сказать, бремя, которое я должна была нести. И это было совсем не то, чего я ожидала от своего отца. Мне было тяжело. Но смысл сказанного я поняла, и уже на следующий день смогла продемонстрировать, как хорошо я усвоила его уроки. Вечером, когда отец возвращался с работы, он увидел меня всё в том же нашем коммунальном коридоре, сидящей верхом на соседском мальчике и нещадно бьющей его. Услышав шаги отца, я торжествующе повернула к нему голову и демонстративно нанесла своей жертве ещё один удар, прямо в лицо. И я снова победно взглянула на отца, ожидая одобрения. Однако, к моему разочарованию, отец, строго взяв меня за руку, повёл домой. Я пыталась заглянуть ему в глаза, надеясь прочесть в них объяснение такой холодности. И я услышала: «По лицу нельзя бить, чтоб я этого больше никогда не видел». Понурился, я молча доплелась с ним до нашей квартиры, и за весь вечер отец не сказал мне ни слова. А мне стало понятно, что княжеское звание — это совсем не право на побрякки, а некий дополнительный груз ответственности и спроса с самого себя, и это правило, которое нельзя переступать.

Потом я не раз слышала, как взрослые, говоря обо мне, вспоминали слова моей бабушки, Вар-

*Герб рода князей
Аргутиных – Долгоруких*

вары Александровны, что из всех её внуков только я пошла в Аргутиных. Правда, никто и никогда в подкрепление этих слов, к сожалению, не приводил каких-либо аргументов. Спросить их об этом я стеснялась. И мне приходилось самой ломать голову, что именно соответствует во мне роду Аргутиных. Но ответа на этот вопрос я по сей день не нашла. И ещё я пользовалась особым расположением уже упоминавшегося мною старшего брата отца, дяди Гриши. Рождённый и получивший воспитание и образование ещё в Царской России, он впитал в себя и нёс в себе все черты естественного дворянского аристократизма, независимо от сменившегося в стране строя и условий жизни. Я же сама иногда задумывалась, надо ли мне гордиться и чувствовать свою исключительность, раз мои предки были столь высоки в своих званиях и отличиях? И сама себе отвечала, что стыдно чувствовать себя причастной к заслугам, которые совершал не ты, а твои

предки, что надо самой совершить что-либо достойное и героическое, а не быть чьей-то отражённой тенью. Мысли эти были искренними, без малейшей доли лукавства, так как помимо представления, что гордиться можно только тем, что совершено непосредственно тобой, они соответствовали естественному демократизму ребёнка, выросшего в коммуналке, где соседями была семья дворника Вани, а его два сына – моими лучшими друзьями детства, которых я помню и по сей день – Вовка и Витька, и ещё поп с попадеей, имени которых я не помню, но помню, как я и другие дети нашей коммуналки кричали им, как только они выходили из своей комнаты: «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся!» и громко, вызывающе хохотали. Религиозности не было и в помине. Были и дети интеллигенции, разнонациональных, разносоциальных групп, но для нас, детей, эти «разно» не имели никакого значения. Важно было только то, что ты сам из себя представлял. И здесь благодаря отцу, научившему меня боксу, а также правилу не плакать и не жаловаться, то есть не быть плаксой и ябедой, я стала признанным лидером среди мальчишек нашего дома. И иногда, вспоминая про Аргутиных, я думала, «зачем мне они, я сама – Сэда, и могу, если захочу, набить и Эрку, и Альку (Эрика и Алика), и любого мальчишку». И мне этого самосознания было достаточно, оно не нуждалось в титулах и славе прошлого. Я чувствовала себя хозяйкой своего настоящего и была счастлива. Не могу не заметить, как это отличается от нашего времени, когда настоящее покрыто серой тенью неопределённости будущего, и есть ли оно у нас? Но сейчас не об этом. Упоминать о моей причастности к роду Аргутиных-Долгоруких устно и в прессе стали в конце 80-х годов в связи с Карабахским движением. А так как я была его активным участником, то воспоминания о моих предках и само карабахское движение, по мысли авторов статей, очевидно, обретало некую дополнительную значимость. Те времена прошли, и теперь в этом вопросе уже работает инерция. Однако не могу не вспомнить рано ушедшего от нас замечательного человека, писателя, тонкого критика Михаила Письменного. Я попросила его написать предисловие к моей вышедшей тогда в Москве книжке: «Мятежная нежность» (2008). И когда я прочла предисловие, я была удивлена, как много места он уделил и придал значения моим предкам. Он писал о том, что Российскую Империю создавали не только этнические русские, но и такие, как Аргутинские-Долгорукие, в частности, он упоминал видного деятеля времен правления Екатерины Второй архиепископа князя Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сподвижника Суворова и Потёмкина, и, если не ошибаюсь, сейчас я этого не могу проверить, генерал-адъютанта Его Величества князя Михаила Захаровича Аргутинского-Долгорукова, героя войны России на Кавказе, удостоенного высших наград России, перечислять которые не хватит пальцев на моей правой и левой руке. Осознание глубины и обоснованности, понимания Михаилом Письменным исторического развития России пришло ко мне позже, и связано оно с моими нынешними представлениями о таких категориях, как этнос, нация, культура, мышление, язык, поведенческие стереотипы, понятийная система и её структура и много чего другого. Тема сложная и очень актуальная в наши дни безответственной и волюнтаристской ломки единого многонационального,

но и гомогенного пространства сначала Российской Империи, а затем её преемника СССР.

– **Какие у Вас были ощущения, когда вышел первый сборник стихов?**

– Выходу моего первого сборника стихов столько предшествовало, притом негативного, что если я начну об этом рассказывать, получится отдельная повесть. Соответственно и мой первый сборник выходил с большим трудом. Уже подписанный к печати, он был по доносу рассыпан. Формулировка гласила: «Книга не антисоветская, но и не советская». После смелых руководства издательства и Госкомпечати, книжка «Солнце стоит высоко» увидела свет. Редактором этой ереванской книги был Григорий Левин, московский поэт, переводчик, руководитель легендарного московского литературного объединения «Магистраль». Григория Левина я считаю своим учителем. Он, как редактор, разослал мою книжку в один печатный лист, величиной с ладонь, известным поэтам, и я неожиданно получила письма от Николая Тихонова, Степана Щипачева, Льва Озерова, Валентина Катаева, Всеволода Рождественского, Валентина Катаева, Леонида Мартынова и др. Для меня это было неожиданно. Сразу же на выход книжки откликнулись рецензиями Сильва Капутикян и Ирина Снегова. Конечно, это не могло не радовать, но до этого я так намучилась, что для радости не оставалось сил, мой путь от первых стихотворных опытов до книжки «Солнце стоит высоко» был тернист. И с терниями этими я столкнулась, прежде всего, в Армении.

– **Для Вас что такое поэзия?**

– Мир, который творит меня и мир, который творю я.

– **Как вдохнуть в поэтические строки жизнь так, чтобы затронуть душу человека?**

– По-моему, по заказу этого сделать нельзя. Даже если заказчиком являешься ты сам.

– **Вы разделяете поэзию на мужскую и женскую?**

– Нет, ни в коем случае.

– **Ваши учителя в поэзии?**

– Марина Цветаева. Более ошеломляющего впечатления на меня никто из поэтов не производил.

Потом её место заступил А. Блок.

– **Как поэту сформировать собственный стиль?**

– Мне кажется, сделать это искусственно невозможно. Здесь уместно для меня перефразировать слова Б. Пастернака: «И быть собой. Собой – и только. Собой – и только, до конца».

– **Как обновлять себя? Как Вы находите новую свежесть в душе и в творчестве?**

– С возрастом меняются воззрения, на многое начинаешь смотреть по-иному. Наступает новое время, новый опыт, новое его осмысление. Насколько это новое осмысление будет интересным, значимым для окружающих, зависит от тебя, от индивидуальности и яркости, от значимости твоей личности. Всё упирается в личность, в личностные качества человека.

– **Как влияют на Вас окружающие люди?**

– И положительно, и отрицательно. Наибольший эффект, если так можно выразиться, даёт единомыслие, схожесть нравственных приоритетов. И наоборот, человек противоположных взглядов, иной ментальности, как сейчас выражаются, вызывает отчужденность, враждебность, или провоцирует пассивное состояние, равнодушие, безразличие к окружающему миру. Что ещё хуже.

– **Вы могли бы описать Ваш удачный творческий день и самый обыкновенный?**

– Нет, не смогу. Между творческими и обыкновенными днями у меня нет разницы. Все дни – творческие, все творческие дни – обыкновенные. Именно они предоставляют мне материал, наиболее адекватный самой жизни.

– **Есть ли у Вас истории, связанные с Вашими книгами?**

– Есть, и не одна, включая достаточно драматические. Например, истории, связанные с москов-

*Сэда Вермишева с Николем Ивановичем
и Людмилой Сергеевной Рыжковыми*

ским издательством «Советский Писатель». Большого произвола, чем тот, что царил в этом союзном издательстве, трудно представить. И мне выпало пройти здесь все круги ада. Ложь, групповщина, вкусовщина, за редким исключением, были отличительными чертами работы этого издательства. Сюда надо добавить и пропажу чемодана с рукописями, которые я везла из Еревана в Москву для работы с редакцией издательства. Однако, мир не без добрых людей. Такими добрыми людьми для меня в этом издательстве оказались М. Числов, зам. гл. редактора издательства и В. Мальми, редактор отдела поэзии. Они на самом деле и добрые, и порядочные люди. Михаила Числова нет уже. Вале Мальми – попробую дозвониться. Удалось выжить и издать книгу.

– **Несколько вопросов о Вашей личности: какая Ваша главная черта характера?**

– Обычно это бывает виднее о стороны. Рискну предположить, что для меня главное правило: общее выше частного. Именно здесь проходит, на мой взгляд, водораздел между идеологией прошлого и нынешнего времени.

– **Вы любите больше посмеяться или погрузиться?**

– Не люблю ни того, ни другого. Не люблю праздности.

– **Верите ли Вы в то, что государствами должны править философы и поэты?**

– Мне кажется, что жизнью нашей, по большому счету, управляют естественные и общественные процессы. Приоритет процессу. Человек, способный понимать процессы, наиболее, на мой взгляд, подходит для управления государством. Здесь нужна мудрость. И умение принимать решения. Управление – это врожденный дар, который, как и поэтический дар, даётся свыше. Управленец должен обладать, прежде всего, чтоб не стать тираном, врожденной человечностью.

– **Приглашают ли Вас выступить перед какими-то аудиториями? Какая встреча Вам запомнилась?**

– Приглашений было очень много. Всех не упомнишь. Но все они оставляли в душе свет и благодарность. Больше всего запомнились и продолжают помниться встречи в ЦДЛ, ЦДРИ, в Некрасовской библиотеке.

– **Чего Вы желаете молодым поэтам?**

– Чтоб их минула горечь разочарований.

– **Почему иногда Вы отходите от своей поэзии и обращаетесь к публицистике: то к А.Блоку, то к А. Грибоедову?**

– Но ведь и Блок, и Грибоедов, при всем своем поэтическом совершенстве, личности мыслящие историческими и социальными категориями. Именно это и делает их великими, тем, чем они являются для нас.

– **Не могли бы Вы коротко сформулировать Ваше отношение к актуальным событиям в Сирии, на Украине, на Донбассе, в Армении, по выбору?**

– Попробую. Коснусь сначала наиболее общих положений, которые, в конечном счете, и определяют частности, в данном случае происходящие в названных Вами точках. Можно сказать, что события во всех точках подчинены одной цели, но достигаются разными путями.

Цель эта, как ни тривиально это звучит, установление глобалистскими силами финансово-промышленного мирового капитала мирового порядка, отвечающего интересам «золотого миллиарда». В частности же, если мы возьмем Сирию, то для России – это возможность базирования военного морского флота в Средиземном море. И этого одного уже было бы достаточно, чтобы Россия проявляла интерес к этому региону. Кроме того, Сирия – это граница с Израилем и возможность влиять на конфликтные ситуации в этом регионе на той или другой стороне. И возможность транспортировки углеводородного сырья России, к берегам Европы, независимо от ситуации и отношений, складывающихся в Босфорском проливе. Сирия – это, практически, последняя опорная точка России в арабском мире, после того, как все остальные арабские нефтеносные страны в результате реализации проекта США «Большой Ближний Восток» оказались, фактически, под оккупацией Америки. Игра, как говорится, стоит свеч.

– **Благодарю Вас, Сэда Константиновна!**